

Владимир Брагинский
Noblesse oblige

Мемуары, эссе, новеллы

Владимир Брагинский
Noblesse oblige.
Мемуары, эссе, новеллы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309540

ISBN 9785448527906

Аннотация

Книга, написанная легко и увлекательно, с добрым юмором и запоминающимися характерами персонажей, рассказывает о времени работы в автора в советской киноиндустрии. Ну, а вдумчивый и интеллигентный читатель наверняка доброжелательно оценит и представленные в этой книге эссе на культурологические темы, и воспоминания, и новеллы.

Содержание

Театральный роман	5
Во ВГИКе	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Noblesse oblige
Мемуары, эссе, новеллы

Владимир Брагинский

© Владимир Брагинский, 2017

ISBN 978-5-4485-2790-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Театральный роман

Случайный взгляд, перчатка и письмо

*И тонкий дым отставленной сигары.
Промчится песня млеющей гитары,
А торжество придет уже само.
Пусть тишина пронзительнее звука —
Не говори мне, что судьба вольна!
Бокал терзаний не допит до дна.
А в глубине – покой или разлука.
Я преферанс еще отдать спешу
Мечтам надежд, что многословно юны...
И лишь в стихах тебя превозношу —
К великосветской радости Фортуны!*

...Мои отношения с театром начались с середины семидесятых. Их жанр вполне можно было бы определить как «театральный роман», столь причудлив был сюжет, напичканный коллизиями тогдашнего времени.

С одной стороны, семидесятые годы знаменовали собой торжество пошлости и гнилости коммунистической системы, прогрессирующего маразма советских руководителей; с другой стороны, – словно в противовес этому тяжелому

и удушающему смогу безнравственности и лицемерия цвели все виды искусств – от полуофициального до запрещенного, до андеграунда. По Москве, словно освежающий ветер свободы, гулял «Самиздат», творили «смогисты» (чьё название СМОГ – Сообщество молодых гениев – было вызовом уже упоминавшемуся мной государственному смогу), по ночным улицам бродили безумные барды, бредящие братанием и бряцанием расстроенных струн дешевых гитар.

Но главным помостом, где разыгрывалось настоящее действо с кукишем в кармане, был все-таки театр.

Кто жил в те годы, поймет, о чем я говорю.

Кто жил в те годы в Москве, – или хотя бы бывал там наездами, – вспомнит это сладостное предвкушение премьер, эти названия театров, звучащие, как музыка: «Таганка», МХАТ, Театр Сатиры, Театр им. Маяковского, Театр «Эрмитаж», Театр «Современник»...

Кто жил в те годы в Москве, – или хотя бы бывал там наездами, – никогда не забудет эти огромные очереди на лучшие столичные спектакли, эти вихрящиеся людские толпы, одержимые одним лишь желанием – попасть на ту или иную премьеру, увидеть тот или иной спектакль, который либо стал известен, благодаря критике, либо, благодаря слухам, распространяющимся подобно звуковой волне.

О театрах того времени можно написать целое исследование; это было бы, пожалуй, многотомное собрание сочинений.

Мне же, скромному повествователю, хочется рассказать всё же о своем скромном «романе» с «Таганкой».

И прежде всего отметить памятный январский день 1979 года, когда меня пригласили на утренний просмотр («общественный прогон», как говорят в театре) спектакля «Обмен», поставленный по знаменитой повести Юрия Трифонова. Можете себе представить, что это значило – попасть в театр к Любимову, да еще и на общественный просмотр, куда соберется весь «бомонд»?

Потому я смутно помню, какая погода стояла в тот день – помню лишь только то, что лихорадочно собирался, думая, как попасть на спектакль заранее, чтобы не опоздать и не застрять где-то по дороге. Успокоился я только тогда, когда, наконец, очутился в зале, и первым делом обратил внимание на то, что сцена была оформлена под обычную московскую квартиру шестидесятых годов; рядом с правой кулисой стоял телевизор с линзой, а по нему «совершенно своевременно» передавали уроки английского языка.

Внезапно шум в зале стих, и я увидел, как взоры моих соседей обратились к распахнувшейся двери рядом со сценой: это появился Любимов с фонариком. Посмотрев на начинавшуюся игру, сказал, усмехнувшись:

– Что? Будем учить английский язык?

Зал отреагировал дружно.

Юрий Петрович Любимов.

Наверное, стоит процитировать посвященное ему стихотворение Андрея Вознесенского; по словам поэта, эти строки приурочены к одному из дней рождений Мастера:

*Вы мне читаете, притворищик,
Свои стихи в порядке бреда.
Вы режиссер, Юрий Петрович,
Но я люблю Вас как поэта...
Когда актеры, грим обтерши,
Выходят, истину отведав,
Вы – Божьей милостью актеры,
Но я люблю вас как поэтов...
Учи нас тангенсам-котангенсам,
Таганская десятилетка.
Мы с вами, зрители Таганки,
По совокупности поэты...
Но мне иное время помнится,
Когда крылатей серафимов
Ко мне в Елоховскую комнату
Явился кожаный Любимов...
То чувство страшно потерять,
Но не дождутся, чтобы где-то
Во мне зарезали Театр,
А в вас угробили Поэта.*

Пожалуй, прибегну еще раз к творчеству Андрея Вознесенского, но на сей раз к его прозаическим воспоминаниям:

«Таганка» была художественным эпицентром свободолюбивой интеллигенции. Блистательные актеры ее ренессансно одарены – поэты, композиторы, прозаики.

Многие нынешние идеи гласности родились на «Таганке». Зритель там был особо талантлив. Таганская нация – интеллигенция высшей пробы. Великим зрителем была молодая, мыслящая революционно интеллигенция, которая ныне пытается изменить страну. Зал взрывался не только от политических острот, но и от художественных озарений. Вопреки застойным временам создавались шедевры...»

Вознесенский небывало пафосен; мне, честно говоря, пафос этот немного мешает; скорее всего, он приличествовал бы восторженной курсистке, нежели серьезному поэту.

Впрочем, оставим.

Это всего лишь ремарка в сторону, не имеющая отношения к повествованию.

Что сказать о прогоне?

На мой взгляд, он прошел замечательно, хотя Любимов несколько раз прерывал действие, что-то, не глядя на публику, объяснял актерам, посвечивая им в лицо фонариком.

Мне запомнилась забавная деталь, когда актер Рамзес

Джабраилов (по пьесе) налетел на декорацию, выразившись недвусмысленно и «по-русски».

Но приглашение на «Обмен» я назову предварительным событием. Это была прелюдия к роману, предисловие, которое еще ничего не обещало, кроме желания познакомиться с «Таганкой» поближе.

И вот – о, чудо! – через некоторое время в театре на Таганке появился новый главный администратор – Александр Михайлович Ефимович. Впрочем, для меня он был Сашей, Александром – ведь я был знаком с ним, когда учился во ВГИКе, а он в ГИТИСе. Так передо мной внезапно распахнулись двери «Таганки».

Кстати, и в прямом смысле тоже. Когда я впервые пришел к Саше в гости, он – шутя – распахнул передо мной двери своего кабинета, мол, прошу, будьте, как у себя дома...

Что и говорить, вряд ли можно было желать лучшего подарка от судьбы: я побывал практически на всех спектаклях, в том числе и тех, где играл Владимир Высоцкий.

Как рассказать об ощущениях, остававшихся после его игры?

Вряд ли это можно передать словами.

Скажу только, что такое самозабвенное самосжигание на сцене вряд ли можно было встретить; прибегну к банальному выражению: он играл на разрыв аорты.

Я не сталкивался с Высоцким в обыденной обстановке;

лишь раз как-то в театральном коридоре, когда я шел в очередной раз к Саше, он прошел мимо меня, и я с удивлением узрел в актере обычного человека среднего роста, ничем не примечательной внешности. В том-то была и сила Владимира Высоцкого, что на сцене он преображался кардинально, становился другим; его голос, его гитарная манера исполнения собственных песен делали любой спектакль намного ярче, добавляли страсти и азарта.

О Высоцком говорили, что он после спектакля отдыхает как минимум два часа. Теперь можете представить, как он выкладывался!

Итак, два года подряд я ходил на «Таганку», несмотря на то, что мне приходилось ехать из Ясенево, путь неблизкий. Однажды я пригласил в театр свою институтскую знакомую. Мне кажется, что она даже вначале не поверила «своему счастью» (думаю, что попасть на «Таганку» в то время значило – выиграть лотерейный билет, не меньше). Но – тем не менее – я назначил ей встречу у метро «Таганская». Она пришла на свидание в удивительно изящном зимнем пальто и красивых сапогах, отороченных мехом (тогда такие наряды в Москве носили немногие, а она их купила где-то за рубежом, будучи в служебной командировке). Я спросил ее, улыбаясь, пришла ли она на «Таганку» или воспользовалась возможностью продемонстрировать свой «прикид» (как сейчас говорят). Знакомая ничего не ответила и только засмеялась.

Кстати, спектакль ей очень понравился, и она уверяла меня, что давно не получала столь острого и осознанного наслаждения от искусства...

...Да, еще несколько слов о моем старом знакомом Александре Ефимовиче.

Несмотря на некоторую оппозиционность Таганки – властям, Ефимович – в то же время – вел себя, как истинный аристократ (что и говорить: театр все-таки был супер-престижным!). Свой рабочий день он начинал с... бассейна, затем завтракал в баре рядом с театром (причем в баре готовились блюда, которых не делали даже в знаменитой «Праге»), и только затем отправлялся на работу.

Однажды Ефимович пригласил меня в... цирк. Пришла его жена. После представления мы пошли вместе с одним французом в ресторан ВТО. Разумеется, здесь Сашу тоже знали очень хорошо, и потому обслуживали нас по первому разряду. Превосходная еда чередовалась с обильной выпивкой. Француз выпил не на шутку и, когда мы вышли из ресторана, выяснилось, что он оставил там свой «case». И тотчас, не успели мы ахнуть, как увидели спешащего к нам администратора с «драгоценной пропажей». Он настолько спешил, что даже не накинул на себя верхнюю одежду, хотя погода была минусовая. Француз остался доволен и всю дорогу бормотал слова благодарности в адрес «милых русских лю-

дей».

...Застал я в театре на Таганке и ту пору, когда там строилась вторая сцена. В «администраторскую» частенько заходил зам. директора по строительству, и мы говорили о шахматах. Думаю, что по интересу шахматы занимали второе место после театра, а матчи знаменитостей вызывали такой же интерес у деятелей культуры, как очередная шумная премьера.

Днем, если я сидел у Ефимовича, мы иногда заглядывали в театральное кафе, там кормили проще, чем в упоминавшемся баре, но актеры не привередничали, да и нам было не скучно...

...Однажды на свой день рождения я был приглашен на спектакль «Мастер и Маргарита». И Ефимович приготовил мне сюрприз: сказал, что на моем сиденье будет как бы невзначай лежать пачка талонов. А что будет дальше, я увижу сам...

И в самом деле: как только я сел, то увидел эту пачку, посмотрел внимательнее и – о чудо! – это были талоны с билетами на утренние спектакли «Таганки». И тут на авансцене показался сияющий Ефимович; обратившись к публике, он сказал:

– Пусть встанет тот, кто нашел на своем сиденье пачку с талонами!

Я встал, довольный и радостный.

Ефимович показал на меня и добавил:

– Этот человек получает подарок от театра – билеты на все утренние наши спектакли!

Зал зааплодировал.

...Шло время, и с 1986 года я сам стал учиться актерскому мастерству в театре-студии песни. Да и в «администраторской», у Ефимовича, происходило разное и всякое.

Но театр песни – это уже не тот театр, где смеялся Фарада, пели старинные романсы и происходили движения, приведшие к трагическим изменениям в театре на Таганке.

2015

Во ВГИКе

Жизнь моя, начальный возраст, детство нашего кино!

*А потом придут оттенки, а потом полутона,
то меньше, та свобода, что лишь зрелости дана.
А потом и эта зрелость тоже станет в некий час
детством, первыми шагами тех, что будут после нас
жить, участвовать в событиях, пить, любить,
идти на дно...*

*Жизнь моя, мое цветное, панорамное кино!
Я люблю твой свет и сумрак – старьё зритель,
я готов
занимать любое место в тесноте твоих рядов.
Но в великой этой драме я со всеми наравне
тоже, в сущности, играю роль, доставиющуюся мне.
Даже если где-то с краю перед камерой стою,
даже тем, что не играю, я играю роль свою.
И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,
как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны,
как сплетается с другими эта тоненькая нить,
где уже мне, к сожалению, ничего не изменить,
потому что в этой драме, будь ты шут или король,
дважды роли не играют, только раз играют роль.
И над собственной ролью плачу я и хохочу.*

*То, что вижу, с тем, что видел, я в одно сложить хочу.
То, что видел, с тем, что знаю, помоги связать в одно,
жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!*

Юрий Левитанский, «Кинематограф»

...Летит время, летит, стремительно, как пуля, только свист у виска – фь-и-ить! И не успеешь оглянуться, как уже и десятилетия не бывало.

Да что там десятилетия?!

40 (напишу словами: сорок!) лет назад назад, в 1975 году, я поступил во ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии.

Это до сих пор недооцененное мною событие.

Наверное, казалось, что еще месяц был резервным (август) – и потому, набрав максимальное количество баллов – я достойно сдал математику, историю СССР, сочинение и географию, – я счел происходящее само собой разумеющимся. Чуть позже, правда, позвонил домой. И... дома были довольны. Мы сходили в ресторан, и я поехал на дачу. Встретил тетку. И она с мужем похлопала мне (как на спектакле).

Ах, этот сладостный шум оваций!...

...В сентябре началась учеба.

Я поступил на экономический факультет, и у нас были

экономические дисциплины. Однако в 9 утра демонстрировали фильмы в рамках курса «Советское кино» (во ВГИКе на этажах располагались уютные кинозалы).

Начиная со второго семестра, декан нам выделил «вакантный» день и, начиная со второго курса, мы с однокурсником стали ходить в ресторан «Арагви». Разумеется, там надо было за все платить; и все же «Арагви» оказался вкусным и недорогим рестораном. Во всяком случае, стипендии было достаточно (а я получал повышенную).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.